

ВИКТОР ТЮРИН

АНГЕЛ
С ЖЕЛЕЗНЫМИ
КРЫЛЬЯМИ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Т98

Серия «Боевая фантастика»

Оформление обложки *Айрата Аслямова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Т98 Тюрин, Виктор Иванович

Ангел с железными крыльями: роман / Виктор Тюрин. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2017. — 384 с. — (Боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-101026-3

Сознание умирающего юноши переносится в тело потерявшего память поручика-артиллера. Идет 1915 год. Вначале герой воспринимает новое тело как подарок судьбы, ведь, пролежав большую часть жизни на больничной койке, он получил в свое распоряжение целый мир и теперь ему надо наверстать все, что было упущено в той жизни. Герою придется схватиться с уголовным миром Петербурга и действовать за линией фронта, в тылу германской армии, под Сморгонью. Вольная жизнь одиночки устраивала до того дня, пока не пришлось столкнуться с тем, мимо чего невозможно пройти. Несчастье, случившееся с сестрой, заставило его по-другому взглянуть на жизнь и задуматься о том, что через год Россия, с ее душой нараспашку и милым самоварным уютом, утонет в крови братоубийственной войны, забрав с собой миллионы человеческих жизней. Только у него есть шанс изменить ход истории. Кто, если не он?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-101026-3

© Виктор Тюрин, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Пролог

Я умирал. В некогда прочитанной книге было написано, что в такие моменты сознание словно перелистывает всю твою жизнь, словно книжку с картинками, перед глазами, но это правило, похоже, не распространилось на меня. В чем причина, мне трудно судить, но, наверное, все потому, что в нормальном мире, среди людей, я прожил недолго. Экзамены за девятый класс мне пришлось сдавать экстерном, а затем была больничная палата. Белые простыни. Белый потолок. Я ненавидел этот цвет, так же как и свою болезнь. Все мои чувства и ощущения проходили через призму боли, давая совсем другой спектр внешнего мира — от серых оттенков к черному цвету. Слова из песни «Белый снег», некогда услышанные мною, полностью отражали мое состояние: «...Господи, за что мне это, все забрал, всего лишил, душу вынул — боль вложил...»

Я ждал смерть и вот сегодня, наконец, почувствовал ее приближение. Тонкая-претонкая ниточка, удерживавшая меня на этом свете, сейчас натянулась до такой степени, что дрожала от напряжения. Откуда во мне родилось это чувство, я не знал, да и знать не хотел — еще несколько мгновений, несколько секунд, может минута, и она оборвется. Если бы смог, то оборвал бы ее уже давно, но сейчас мне только и оставалось, что ждать. Мне было не привыкать. Первые несколько лет прошли в ожидании чуда, а потом... смерти. И вот сейчас все должно кончиться. Прямо сейчас... Даже сквозь

быстро гаснущее сознание я услышал, как звонко лопнула, пусть даже воображаемая, последняя ниточка, соединявшая мою душу с телом, и...

Глава 1

Когда мой разум, пробившись сквозь забытие, вызванное «химическим» сном успокоительных препаратов, стал пробуждаться, начиналось время перехода в реальный мир. Не открывая глаз, внутренне напрягся, ожидая появления волны боли, но... ее не было.

«Я умер?!»

Этот вопрос был логическим продолжением мысли, давно определившей суть моей сегодняшней жизни: я жив, пока во мне сидит боль. Раз ее нет, то...

«Но тогда как я... мыслю?»

Новый вопрос заставил меня открыть глаза. Мысль о смерти сразу скукожилась и исчезла, стоило мне увидеть над головой плохо побеленный потолок. Он не удивил и не испугал меня, а просто поставил в тупик своим непонятным появлением. Не двигая головы, повел глазами по сторонам, потом крепко их зажмурил, выждал какое-то время, снова открыл, после чего, приподняв голову, стал в растерянности озираться. Широкая железная кровать, стоявшая в небольшой комнатке, занимала почти треть помещения. Рядом с ней находилось окно с деревянной рамой и низким деревянным подоконником, покрытым белой, местами облупившейся, краской. Окно наполовину закрывали короткие белые плотные занавески. То, что я сейчас видел, просто не могло быть. Эта мысль промелькнула на задворках моего сознания и пропала, потому что в следующую секунду на меня навалились ощущения реального мира. Пальцы вдруг почувствовали фактуру материала, голова — плотность подушки. Серд-

це бешено застучало, разгоняя кровь по всему телу. Ощущение нереальности происходящего захлестнуло меня, заставив усомниться в подлинности окружающего меня мира.

«Сон? Галлюцинации?»

В следующий миг в носу нестерпимо зачесалось, и я, не выдержав, чихнул. Рука автоматически дернулась по направлению к носу и замерла. Уставившись на поднимающуюся руку, как на чудо, я даже не сразу понял, что она не моя. Она просто не могла быть моей! Толстое запястье, широкая и тяжелая ладонь.

«Это... что же такое...? — поднял и подержал какое-то время на весу вторую руку. — Я... в чужом теле?»

Вместе с этой невероятной мыслью снова вернулось ощущение нереальности, правда, сейчас мое замешательство длилось недолго. Откинув теплое одеяло, я увидел, что одет в белую просторную рубашу и кальсоны с завязками. Все, что я видел, чувствовал и ощущал, было за гранью нормального мироощущения, но даже это не могло поколебать меня. Я получил то, о чем только мог мечтать! Болезнь вместе с парализованным телом осталась там, а я здесь! Для меня сейчас только это было главным! Приподнявшись, я неловко сел, спустив ноги на пол. На деревянном полу стояли войлочные тапки серого цвета. Секунду поколебавшись, всунул ноги в тапочки, потом рывком встал. Утвердившись на ногах, сделал шаг, за ним другой. Ощущения человека, вставшего на ноги, пусть даже чудесным образом, после семи лет полной неподвижности, меня не просто захлестнули, они заставили забыть обо всем на свете. Боли нет, я здоров, я могу ходить! — пела каждая жилка, каждая клеточка моего тела. Сердце, не переставая, радостно стучало в груди, словно барабан на праздничном параде. Сколько времени я так простоял, не знаю, но в какой-то миг из-за двери послышались

какие-то звуки. Я замер, словно меня поймали на чем-то непристойном, но уже спустя несколько секунд понял, что выгляжу, по меньшей мере, глупо, стоя в нижнем белье посреди комнаты.

«Ну не придурок ли ты?»

После этого риторического вопроса снова огляделся по сторонам, но теперь уже не вскользь, а цепко и внимательно оглядывая помещение. Без сомнения, это была больничная палата, но при этом абсолютно непохожая на стерильные и ослепительно белые помещения, в которых мне доводилось лежать. Деревянный пол с пятнами облупившейся краски. Железная кровать. Тумбочка. Табуретка. У самой двери на стене висел рукомоЙник со стоявшим под ним ведром, над которым висело помутневшее от времени зеркало. Не раздумывая, сразу направился к нему, после чего несколько минут вглядывался в лицо чужого человека. Это было не просто странное, это было непередаваемое ощущение. Да и как можно передать словами то, что ты смотришь на себя в зеркало, а там отражается чужой человек.

Отражение показало высокого атлетически сложенного мужчину с обычным лицом и густой шевелюрой. Завернув рукав, с удовольствием покачал бицепсом, после чего задрал рубаху и какое-то время любовался мощью, слегка огрузневшего от долгого лежания тела. От этого занятия меня отвлек новый шум за дверью, заставив вернуться в реальный мир.

Теперь, когда я осознал, что получил новое, здоровое тело и нахожусь, пока условно, в каком-то другом месте, то просто принял это к сведению, не став терзать мозг вопросами на тему: что со мной произошло? На данный момент меня устраивала подобная ситуация, к тому же моему внутреннему спокойствию способствовал самоконтроль сознания, ставший неотъемлемой частью меня.

Когда стало окончательно понятно, что болезнь прогрессирует, передо мной встала дилемма: сдаться болезни (к этому времени мне уже было известно, что я приговорен) или хоть как-то попробовать ей противостоять. Выбрал второе. Взяв за девиз слова Карлоса Костанеды: «Человек побежден только тогда, когда он оставляет всякие попытки и отказывается от себя», я принялся бороться за себя. Сначала это были просто отчаянные попытки обуздать боль, но страх и жалость к самому себе сводили их к нулю. Тогда мне пришлось спросить себя: зачем живому трупу эмоции, вроде жалости и сострадания? Интернет предоставил мне возможность изучить различные методики психологического тренинга, после чего я занялся организацией работы мозга. Первоначально передо мной стояла задача научиться отключать боль, но позже понял, что подходил к проблеме слишком узко, и принялся учиться подавлять мешающие борьбе эмоции. Навероятно трудно стать жестоким по отношению к себе. Со стороны могло показаться, что я объединился вместе со своей болью против своего собственного «я», но это было не так. Спустя какое-то время я выиграл сначала один маленький бой с болью, затем другой. Она больше не могла опираться на расслабляющие меня эмоции и стала отступать, сдавая позиции. Так постепенно мне удалось ее контролировать, пусть не всегда и не полностью, но это была лично моя победа. Уверовав в свои силы, я решил не останавливаться на достигнутых успехах и пошел дальше.

Жизнь на больничной койке научила меня выжидать и наблюдать, оставалось только научиться делать правильные выводы, и я принялся изучать науку невербалику, которая изучает жесты, позы, мимику человека. Умение работать с сознанием и жесткий самоконтроль скоро дали отличные результаты, сотни раз проверенные мною на практике.

Вот и сейчас мозг перешел в рабочий режим, привычно взяв эмоции под контроль. Пробежав глазами по палате, я решил начать с тумбочки, в которой могли находиться документы и личные вещи пациента. Подойдя к ней, открыл. Ничего. Только на верхней полке лежали мыло и бритва. Взяв ее, открыл, после чего провел острым лезвием по указательному пальцу. Из надреза выступила кровь, при этом боли я не почувствовал. Просто неприятное ощущение. Я невольно усмехнулся. Просто детская сказка какая-то... Лизнув порез, ощутил солоновато-сладковатый привкус. Вкус настоящей крови. Он окончательно утвердил меня в мысли, что все вокруг меня — реальность. Сложив и положив бритву на место, я выпрямился и подошел к стоявшей у стены ширме. За ней оказался вбитый в стену крючок, на котором висел больничный халат и одежда. Тщательно обшарив все карманы, мне не удалось найти даже обрывка бумаги. Оглядел одежду. Черное пальто, костюмная пара, рубашка. Все вещи имели поношенный вид. Давно нечищенные ботинки с носками я нашел под кроватью. Выпрямившись и дотянувшись через кровать до окна, отодвинул занавеску. За окном была ранняя весна во всем своем великолепии. Солнце, яркое, густо-синее небо, поздраватый, уже с наметившимися проталинами, лежавший на земле, снег. Пару минут полюбовавшись простой и незатейливой для взгляда нормального человека картиной, я отвернулся от окна и сев на кровать, стал анализировать.

«Железная кровать, опасное лезвие, кальсоны, старорежимные фасоны пальто и пиджака. Плюс тело другого человека. Все это говорит о том, что меня куда-то забросило. Фантастика. То есть мне предложили другую жизнь. За что, интересно? Просто так ничего не бывает. Или есть какая-то высшая справедливость? Не знаю. Хочется верить... Все! Определяемся с местом, а там уже будем решать как себя вести».

Поразмышляв подобным образом, я решил, что самый простой способ узнать, куда меня забросило — одеться и пойти прогуляться. К этой мысли меня подтолкнула висящая на вешалке одежда.

Моя палата находилась в одном конце длинного барака, рядом с хозяйственными помещениями, а вторую его половину, как мне стало известно позже, занимал временный изолятор для инфекционных больных. Пройдя темным коридором, я толкнул дверь, а в следующее мгновение яркое солнце ослепило меня, а резкий и холодный ветер заставил поежиться. В мелкой луже возле деревянного порога, схваченной утренним морозцем, блестела корка льда.

«Даже не помню, когда сам выходил на улицу. Наверное, в восемь-девять лет... А хорошо-то как!»

Глубоко вдохнув в себя сырого весеннего воздуха, я сошел со ступенек. Передо мной высилось четырехэтажное каменное здание больницы в виде укороченной буквы «П», с левой стороны которого, вдоль забора, располагался мой барак. Со своего места мне был виден флигель у широко распахнутых ворот. В десяти метрах от меня два бородатых мужика разгружали дрова из телеги, стаскивая их в полуподвальное помещение центрального здания больницы. Лошадь, запряженная в телегу, скосила на меня карий глаз, потом фыркнула и опустила голову. От людей и лошади пахло как-то необычно. Уже позже я понял, что это была смесь лошадиного пота, махорки и дегтя, но сейчас смог различить лишь запах дерева. Обойдя телегу, я неспешно направился к воротам, а добравшись до середины двора, остановился и осмотрелся. Массивное здание больницы с колоннами напоминало мне, виденные в исторических фильмах барские усадьбы, украшенные лепниной и рельефными колоннами. Широкая лестница вела к большой желтой двери с медными блестящими ручками. Затем мое внимание

сместилось на одноконный экипаж с кучером. Сознание сразу отметило непривычные для меня детали: густая борода, лежащая поверх длинного тулупа с большим воротником, валенки и зимнюю шапку мехом наружу. С минуту разглядывал непременный атрибут исторических фильмов, а уже в следующее мгновение мое внимание привлек человек, садившийся в этот экипаж. На нем было надето длинное пальто с широким меховым воротником и шапка, а в руке он держал саквояж. Я почему-то сразу решил, что это врач. Только он уселся, как кучер как-то особенно звонко хлопнул вожжами и вскрикнул: «Но, милая, трогай!»

Под цокот копыт и скрип деревянных полозьев по схваченному легким морозцем подтаявшему снегу экипаж направился к воротам. Невольно проводив его взглядом, я неожиданно подумал, что пора прекратить сравнивать виденные кадры из исторических фильмов с окружающим меня миром.

«Будем исходить из того, что есть. Из фактов. Если судить по тому, что видел, то меня, похоже, угораздило попасть в прошлое России. Или ее альтернативный вариант. Вот только почему в этот период истории? Хм. Думаю, что на этот вопрос я вряд ли когда-нибудь получу ответ».

Мое спокойное восприятие переноса в прошлое, которое должно было вызвать сильнейший эмоциональный шок у любого человека, было основано не только на эмоциях, находящихся под контролем, но и на прагматизме данной ситуации. В той моей жизни у меня не было будущего, и я ничего не терял там, оказавшись здесь. Вторая причина являлась основной и главной — этот мир подарил мне новое, здоровое тело, и уже поэтому я был готов его принять. Получить здоровое, полное сил тело после стольких лет неподвижного лежания на больничной койке — вот это величайшее чудо из чудес! Я радовался всему: упругой ходьбе, движени-

ям рук, поворотам головы. Вынырнув из захвативших меня мыслей, я двинулся дальше. Обогнув еще одну телегу с дровами, въезжавшую во двор больницы, вышел на улицу. Кое-где из-под утоптанного и подмерзшего снега проглядывал серый камень брусчатки. По обеим сторонам улицы двух-трехэтажные дома. Мне они показались непривычными по виду. Глаз не режет, но чувствуется в них что-то тяжеловесное и вычурное. Гипсовые гербы, фигуры кариатид, массивное и в то же время ажурное плетение оград и ворот, завитушки на дверных ручках и дверных молотках. Людей было немного. Скользнул взглядом по двум мужчинам, идущим по противоположной стороне улицы. На них были надеты шапки, сапоги, мешковатые штаны и плотные куртки, похожие на обрезанные пальто.

Вдруг неожиданно раздался звон колоколов. Женщина, шедшая по моей стороне улицы, остановившись, начала креститься на видневшиеся над домами церковные купола. Посмотрел в ее сторону. Молодая женщина с круглым, румяным лицом, одетая в приталенное пальто, которое выгодно облегалo ее пышную фигуру. Выглядывавшие из-под пальто края длинного платья колыхались у самой земли. Она, видно, заметила мой интерес к ней, потому что, когда пошла дальше, то не замедлила бросить на меня быстрый кокетливый взгляд, но я не ответил на него, а развернувшись, уже шел на звуки большого города. С каждым шагом они становились все сильнее, но, только выйдя на широкий бульвар, я смог разделить их по роду местного транспорта. Стук и грохот деревянных колес телег, шуршание прорезиненных шин экипажей, ржанье и цокот копыт лошадей, сигналы клаксонов, лязг и пронзительные звонки трамваев. Мне сразу подумалось, что к подобному сочетанию звуков еще придется привыкнуть, но стоило мне пробежать глазами по идущим мимо людям, как меня заполнили новые впечатления. Зимние

шапки, широкие и тяжелые пальто с меховыми воротниками, изящные женские пальто с лисьими воротниками, кокетливые меховые шапочки, женские руки, засунутые в муфты, трости в руках мужчин. Непривычно было видеть бороды и усы почти у каждого второго мужчины. В толпе также было немало людей в форме. Офицеров можно было сразу отличить по золотистым погонам, португее и шашке, а вот люди в шинелях темно-синего и темно-зеленого цвета поставили меня в тупик, и только разглядев у них в петлицах и на кокардах эмблемы, наподобие скрещенных молоточков, предположил, что это инженеры.

Проезжавшие мимо машины, дымя, оставляли за собой резкий бензиновый запах, от которого фыркали и мотали головой лошади. Вдруг неожиданно раздался резкий и пронзительный звонок, заставивший меня повернуть голову в его сторону. Как оказалось, это электрический трамвай звонком расчищал себе дорогу, которую ему преградил зазевавшийся мужик, ехавший на телеге. Какое-то время я вместе с другими зеваками наблюдал, как возчик, испуганно тараща глаза и смешно надувая щеки, нахлестывает свою лошаденку, стараясь поскорее убраться с трамвайных путей. Стоило трамваю продолжить путь, как мое внимание привлекли уличные торговцы, сновавшие в толпе. Такая подвешенные на груди лотки, они весело и задорно кричали во все горло, зазывая покупателей:

— Пирожки, горячие!! С пылу, с жару!! Хватай сразу пару!! Папиросы «Пушка», «Дукат», «Заря»!! Налетай, не робей, разбирай веселей!!

Нескольких минут хватило, чтобы удовлетворить свой интерес, после чего снова бросил взгляд по сторонам, но теперь внимание уделил вывескам и товару, выставленному в витринах магазинов.

«Молочная торговля от финских и эстляндских ферм». Солидно звучит. «Булочная — кондитерская.

Свежий хлеб, булочки, пирожки, пирожные. На все вкусы». Дальше — «Бакалея, мануфактура и прочие колониальные товары». О! Винно-водочный магазин! Только название у него какое-то нерусское. «Латипак». А! Теперь понятно. Так это сокращенное название акционерного общества... А это...

— Свежие новости! Свежие новости! — пронзительный и звонкий голос мальчишки-газетчика, врезавшись в городской шум, заставил меня оторваться от чтения вывесок. — Подвиг казака Степана Тамцова!! Герой взял в плен десять германцев!! Георгиевский кавалер Сергей Долматов снова награждён Георгиевским крестом!! Выказывая пример мужества и храбрости, он уничтожил неприятельский пост!! Покупайте газету!! Самые свежие новости с фронтов!! Покупайте газету!!

«Война с Германией?! То есть первая мировая война? Так-так-так. Интересно, какой сейчас год?»

Подойдя к мальчишке, который сейчас брал деньги у молоденького офицера, я бросил быстрый взгляд на верхний газетный лист. Резко бросились в глаза крупные буквы: «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЯ ВЪДОМОСТИ» и дата «1915 годъ».

— Берете, барин?!

Отрицательно покачал головой. Мальчишка резко развернулся и побежал по улице, стуча разбитыми ботинками и размахивая газетой:

— Самые свежие новости с фронтов!! Подвиг казака Степана Тамцова!! Герой взял в плен...!!

Каким-то образом год, отпечатанный на желтой газетной бумаге, снял с меня налет эйфории, заставив ощутить себя чужаком в совершенно незнакомом для меня мире. Страх и растерянности не было, но чувство тревоги и настороженности поставил организм на «взвод», наверное, поэтому я резко и зло среагировал на чужую руку, шарящую в кармане моего пальто. Схватив ее у запястья, резко развернулся к вору.